

УДК 81'22:119

UDC 81'22:119

ПОСТРОЕНИЕ ЭКСПЕРТНОЙ ПРОЦЕДУРЫ УСТАНОВЛЕНИЯ УМЫШЛЕННОСТИ ОСКОРБИТЕЛЬНОГО РЕЧЕВОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

BUILDING OF EXPERT PROCEDURE OF ESTABLISHING THE PREMEDITATION OF INSULTING SPEECH UTTERANCE

А. А. Лавицкий,

*кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой иностранных
языков и межкультурных коммуникаций
Витебского филиала Международного
университета «МИТСО»*

A. Lavitski,

*PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Foreign Languages
and Intercultural Communications,
Vitebsk branch of International
University «MITSO»*

Поступила в редакцию 02.10.20.

Received on 02.10.20.

В национальной судебной экспертологии изучение умышенности речевого высказывания не входит в число задач, решаемых специалистами-лингвистами. При этом сама характеристика умышенности коммуникации является значимой не только для определения степени тяжести противоправного деяния, совершенного вербальным способом, но и критерием его идентификации (например, оскорбление). В экспертной практике изучение характеристики умышенности речевого высказывания чаще всего подменяется выявлением его фактологичности, что может стать причиной судебной ошибки.

В правовой лингвистике категории умышенности близки понятия интенции, намеренности, однако в преломлении к лингвоправовой экспертной практике умышенность можно определить как осознаваемую субъектом форму реализации намеренности действия, детерминированного мотивом.

Современный методологический инструментарий позволяет с большой долей вероятности дифференцировать умышенное речевое оскорбление от проявлений экспрессивной вербальной коммуникации как формы реверсной речевой реакции на референтную ситуацию общения. С этой целью предлагается ввести в практику исследования речевого акта выявление его умышенности. Экспертная процедура в этом случае будет строиться на использовании исследовательских методов прагмалингвистики, коммуникативной лингвистики, речевого портретирования и др.

Ключевые слова: умышенность, судебная лингвистическая экспертиза, правовая лингвистика, оскорбление, экспрессивная коммуникация, референтная коммуникативная ситуация.

In the national judicial expertology the study of premeditation of speech utterance is not included in the list of objectives solved by linguist specialists. At the same time the characteristic of premeditation of communication is significant not only for defining the degree of gravity of illicit action conducted by verbal means but also a criterion of its identification (for example, insult). In expert practice, studying the characteristic of premeditation of speech utterance is mostly replaced by revealing its factology which can cause a judicial error.

In judicial linguistics, the categories of premeditation are close to the notions of intention, premeditation, but in perspective of linguojudicial practice the premeditation can be defined as the conscious form of realization of premeditation of the action determined by the motive.

Modern methodological tools allow with high probability to differentiate the deliberate speech insult from display of expressive verbal communication as a form of reverse speech reaction to referent situation of communication. For this purpose we offer to introduce revealing of premeditation into the practice of studying the speech act. The expert procedure in this case will be based on using of scientific methods of pragmalinguistics, communicative linguistics, speech portrait making etc.

Keywords: premeditation, judicial linguistic expertise, legal linguistics, insult, expressive communication, referent communicative situation.

Юриспруденция последних десятилетий, очевидно, осознала необходимость «открытия границ» сферы своей ответственности для других направлений научного знания. Эта тенденция обусловлена невозможностью объяснить сущность права, «оставаясь на собственно юридической почве» [1, с. 4]. Проявлением такого правоведческого либерализма стала, в том числе, и экспансия лингвистической составляющей в судебную экспертологию, где проведение специальных исследований текста является неотъемлемой составляющей процессуально-следственной и судебной деятельности.

К значимым вопросам судебной лингвистической экспертологии относится и формирование собственного терминологического тезауруса. Еще четверть века назад об этом писали Н. Д. Голев и Н. О. Матвеева [2, с. 202]. Дело в том, что понятийный аппарат правовой лингвистики оформляется чаще всего посредством

экспорта терминологических единиц из теории права, а также других лингвистических направлений, не получая, как правило, дополнительной коннотации. С одной стороны, это оправдано, так как возникновение нового научного понятия должно быть а) теоретически обоснованно и б) верифицировано соответствующими прикладными исследованиями. С другой стороны, терминологической единице свойственна транс-терминологизация (см. работы А. В. Суперанской [3, с. 91]), то есть процедура перекодировки в процессе трансфера в другие области знания, научные сферы или направления.

В настоящей статье предпринята попытка рассмотрения категории умышенности как терминологического понятия правовой лингвистики, в частности, лингвистической экспертологии, а также представлены некоторые подходы к экспертной работе с текстом, связанные с описанием характеристики его умышенности.

В теории права умышленность деяния рассматривается как один из основополагающих критериев определения степени тяжести и (или) вида противоправного деяния. По мнению Е. В. Благова, умышленность (преднамеренность) наравне с заведомостью и осознанием также является одним из трех основных признаков состава преступления [4, с. 163]. Не вдаваясь в подробное юридическое описание умысла, отметим лишь, что в уголовном и административном законодательстве (ст. 22 УК и ст. 3.2 КоАП) выделяют прямой и косвенный (звентуальный (от лат. 'eventum' – случай)) умыслы, понимание которых строится на осознании субъектом возможности или неизбежности наступления последствий его действий и желании их наступления [5, с. 623]. В общей теории права выделяют также другие виды умысла: внезапный, в том числе, аффективный, и заранее обдуманый (предумышление) (по временному критерию); конкретизированный, включая общий, и не конкретизированный, включая альтернативный (по степени предвидения последствий) [6, с. 109].

В лингвистической прагматике обнаруживается еще одно схожее понятие – интенция, определяемое Дж. Серлем как направленность на объекты или положения дел в мире. В уточнении автор теории речевых актов пишет, что «субъективные состояния соединяют меня с остальным миром, и общее имя этой связи есть интенциональность», которая напрямую не связана с намерением, ибо намерение – это лишь один из видов интенциональности [7, р. 37]. Следовательно, интенциональность это особый феномен речевого поведения, на основе которого строится дискурс.

В психологии и педагогике понятие умышленности рассматривается как синоним понятия намеренности и определяется как «элементы мотивационно-потребностной сферы – замысел, желание, предложение сделать, совершить что-либо» [8, с. 128]. Отсюда вывод, что облигаторным для умышленности является мотив.

Таким образом, умышленность включает в себя осознанность, намеренность (нанести вред), мотив. Следовательно, в юрислингвистическом понимании умышленность можно определить как *осознаваемую субъектом форму реализации намеренности действия, детерминированного мотивом*.

Специальные исследования на предмет наличия/отсутствия признаков оскорбления в речевом высказывании повсеместно проводятся ГКСЭ, а также неэкспертными организациями. Процедура экспертного изучения текста обычно включает в себя три аспекта, вытекающих из формулировки оскорбления, представленной в ст. 189 УК, ст. 9.3 КоАП (Умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме):

1) *атрибутированность* (корректировка образа лица в худшую сторону за счет понижения статусного положения относительно говорящего); 2) *ненормативность* (использование лексем, реализующих характеристику атрибутированности речевого высказывания и относящихся к бранным, стилистически сниженным) [9, с. 97] (в настоящее время специалистами ГКСЭ не проводится анализ ненормативности, то есть неприличности речевого высказывания); 3) *умышленность*. Последний аспект в национальной экспертной практике чаще всего подменяется понятием *фактологичности*. Экспертная работа в этом случае чаще всего строится на поиске в тексте маркеров, указывающих на субъективность его содержания: 'думается', 'наверное', 'полагаю', 'приходилось слышать', 'видимо' и др. В отсутствие в тексте такого рода маркеров эксперт делает заключение о фактологичности содержания речевого акта.

Фактологичность высказывания можно доказать и посредством прагмалингвистического анализа текстового фрагмента, что также в последнее время стало входить в практику лингвистических экспертных исследований. С позиции прагмалингвистики фактологичное утвердительное высказывание реализуется в разных типах речевых актов, например, в форме репрезентатива (констатации, утверждения), констатива (подтверждение), декларации (демонстрация решения) и др. Использование данного подхода при проведении экспертного исследования может быть осложнено отсутствием единой типологии речевых актов.

В контекстуальные отношения речевого акта – предмета лингвоправового контроля – встроена референтная ситуация. Референтная ситуация зачастую является началом конфликтной коммуникации. Это факт, объективизированный сознанием языковой личности. В качестве такого факта может выступать другой речевой акт, проявление невербальной коммуникации и поведения, реалии различных сфер деятельности, в которые непосредственно или опосредованно включен объект конфликтного высказывания.

Вербальная реакция на референтную ситуацию являет собой особый тип речевого акта, определяемый В. И. Шаховским как инстинктивная рефлексия – «реверсное переосмысление», корректирующее коммуникативное поведение [10, с. 123]. Иными словами, это вербальное противодействие, имеющее статус имманентной характеристики коммуникативного взаимодействия [11, с. 12]. Здесь напрашивается вывод о том, что любое оскорбительное высказывание является не чем иным, как экспрессивом, то есть речевым актом с ярко выраженной эмоционально-оценочной реакцией, своеобразным коммуникативным рефлексом. Однако дополнить этот вывод тем, что экспрессив как эмоциональная реакция всегда

является неумышленной вербальной деятельностью, нельзя. Дело в том, что эмоциональность речи является ее неотъемлемой характеристикой. Эмоциональность высказывания не умаляется даже в биологической теории языка (работы Ф. Варела, У. Матурана). А в понимании М. М. Бахтина признаком любого речевого жанра является экспрессия [12, с. 129]. Схожее мнение находим и у Ю. Н. Караулова, который писал о том, что «мотивы, интересы, устремления, интенциональности, цели <...> в значительной доле строятся на аффектах и эмоциях [13, с. 211]. В юрислингвистической теории экспрессивную речевую реакцию рассматривают, в том числе, и как форму «речевого хулиганства» (Н. Д. Голев) или шизосемиозиса (В. И. Жельвис), что позволяет охарактеризовать такой речевой акт как осознаваемую реализацию коммуникации, то есть умышленную. Нелишним, как нам кажется, будет обращение и к изучению темпорального модуса речевого высказывания.

Таким образом, в экспертной работе следует обращаться к семантике референтной ситуации. Практика показывает, что в случае, если такой ситуацией явился иной речевой акт, его значение может быть схожим и даже идентичным, например: «Я по телевизору слышала, что таких, как ты, сейчас принято называть "женщина с пониженной социальной ответственностью"» – «Да ты сама б.. редкая!»

Очевидно, что в подобных примерах оба высказывания являются оскорбительными: в первом случае – с точки зрения коммуникативной лингвистики, во втором – еще и с позиции правовой. Привлечь к юридической ответственности автора первого высказывания не представляется возможным ввиду отсутствия признаков ненормативности речевого высказывания. Однако семантическое значение обоих изречений фактически идентично. Отличия обнаруживаются в лексической форме речевой деятельности. При этом и иллокутивная характеристика высказываний не имеет принципиальных отличий. В такой ситуации, с нашей точки зрения, с большой долей вероятности следует признать второе высказывание экспрессивом с неумышленной формой речевой реализации, ибо фактически это равнозначный ответ, а наличие в нем слов, относящихся к табуированным, может быть обусловлено спецификой эмоциональной реакции или коммуникативными особенностями языковой личности.

Экспрессивная речевая реакция может быть объективизирована и другими проявлениями вербальной агрессии по отношению к собеседнику, которого можно обозвать оскорбительными словами: «Воруешь ты, наверное, оттого и смотришь на людей сверху вниз»; «Ты, с..., за собой следи, а в мои дела не влезай».

В таких примерах семантика референтного высказывания содержит мнение, негативно характеризующее собеседника. «Воруешь ты, наверное», что, очевидно, может быть поводом для реализации речевой тактики. Методология коммуникативной лингвистики способна справиться в этом случае с задачей анализа стратегий и тактик речевого поведения, что, в конечном счете, позволяет эксперту сделать вывод о высокой вероятности отсутствия умысла оскорбить адресата. Кроме того, как и в первом случае, использование табуированной лексики может быть расценено как особенность коммуникативного поведения автора или языковое средство, усиливающее выражение агрессии.

Отдельного осмысления требует вопрос об экспертной процедуре идентификации аффекта как речевого акта неконтролируемого, а значит, и неумышленного коммуникативного поведения. В экспертном сообществе принято считать, что для такого рода исследования следует проводить психолого-лингвистическую экспертизу автора в первые несколько часов после коммуникативного конфликта. Однако можно предположить, что здесь может быть достаточно достоверной текстовой информации. Так, например, результаты сравнительного стилистического анализа, изучение речевого портрета адресанта, объем и семантика конфликтогенного текста могут служить основанием для отнесения речевого высказывания к аффективному вербальному поведению.

Таким образом, в современной национальной экспертной практике умышленность речевого акта не является предметом специального исследования и чаще всего подменяется изучением его фактологичности. Однако современный методологический инструментарий лингвистики позволяет достаточно объективно делать выводы об умышленной реализации речевой деятельности, в том числе и оскорбления. Привлечение методов прагматико-лингвистического анализа текста, исследования стратегий и тактик коммуникативного поведения, семантики референтной ситуации как начала конфликтогенной речевой деятельности дает основания в процессе исследования делать экспертные выводы об уровне вероятности умышленности вербальной деятельности.

Такие характеристики оскорбительности речевого высказывания, как табуированность, атрибутированность и ненормативность могут быть экспрессивными проявлениями речевой реакции – инстинктивной рефлексией реверсного переосмысления (по В. И. Шаховскому).

Вносимые предложения по построению экспертной процедуры изучения умышленности речевого акта требуют дополнительной верификации в практике судебной экспертной

работы. Полагаем, что интенсификации исследований в данном направлении будет способствовать формирование публичной республи-

канской базы данных о судебных процессах, в том числе рассматривающих дела по статьям 189 УК, ст. 9.3 КоАП.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров, А. С. Введение в судебную лингвистику : монография / А. С. Александров. – Н. Новгород : Нижегородская правовая академия, 2003. – 419 с.
2. Голев, Н. Д. Лингвистическая экспертиза: на стыке языка и права / Н. Д. Голев, О. Н. Матвеева // Юрислингвистика-7 : язык как феномен правовой культуры / под. ред. Н. Д. Голева. – Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2006. – С. 189–210.
3. Суперанская, А. В. Общая терминология : вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева ; отв. ред. Т. Л. Канделаки. – Изд. 6-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 248 с.
4. Благов, Е. В. Признаки состава преступления : традиции и реальность / Е. В. Благов // Lex Russica. – № 6 (127). – 2017. – С. 156–165.
5. Большой юридический словарь / [Малько А. В. и др.] ; под ред. А. В. Малько. – М. : Проспект, 2009. – 702 с.
6. Сноп, С. Н. Уголовное право. Общая часть : конспект лекций / С. Н. Сноп. – Гродно : ГрГУ, 2012. – 453 с.
7. Searl, J. R. Mind, Language and Society (Philosophy in the Real World) / J. R. Searl. – N.Y. : Basic Books, 1998. – 192 p.
8. Новиков, А. М. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике / А. М. Новиков. – М. : Издательский центр ИЭТ, 2013. – 840 с.
9. Осадчий, М. Русский язык в судебном процессе / М. Осадчий. – М. : ЛЕНАНД, 2020. – 256 с.
10. Черенков, А. С. Интеракционально-прагматические характеристики категории речевого противодействия во французском дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / А. С. Черенков ; ГОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет». – Воронеж, 2011. – 23 с.
11. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
12. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов ; отв. ред. Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1987. – 263 с.

REFERENCES

1. Aleksandrov, A. S. Vvedenie v sudebnuju lingvistiku : monografija / A. S. Aleksandrov. – N. Novgorod : Nizhegorodskaja pravovaja akademija, 2003. – 419.
2. Golev, N. D. Lingvisticheskaia jekspertiza: na styke jazyka i prava / N. D. Golev, O. N. Matveeva // Jurislingvistika-7 : jazyk kak fenomen pravovoj kul'tury / pod. red. N.D. Goleva. – Barnaul : Izd-vo Altajskogo un-ta, 2006. – S. 189–210.
3. Superanskaja, A. V. Obshhaja terminologija : voprosy teorii / A. V. Superanskaja, N. V. Podol'skaja, N. V. Vasil'eva ; отв. red. T. L. Kandelaki. – Izd. 6-e. – M. : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2012. – 248 s.
4. Blagov, E. V. Priznaki sostava prestuplenija : tradicii i real'nost' / E. V. Blagov // Lex Russica. – № 6 (127). – 2017. – S. 156–165.
5. Bol'shoj juridicheskij slovar' / [Mal'ko A.V. i dr.] ; pod red. A. V. Mal'ko. – M. : Prospekt, 2009. – 702 s.
6. Snop, S. N. Ugolovnoe pravo. Obshhaja chast' : konspekt lekcij / S. N. Snop. – Grodno : GrGU, 2012. – 453 s.
7. Searl, J. R. Mind, Language and Society (Philosophy in the Real World) / J. R. Searl. – N.Y. : Basic Books, 1998. – 192 p.
8. Novikov, A. M. Jenciklopedicheskij slovar' po psihologii i pedagogike / A. M. Novikov. – M. : Izdatel'skij centr IJeT, 2013. – 840 s.
9. Osadchij, M. Russkij jazyk v sudebnom processe / M. Osadchij. – M. : LENAND, 2020. – 256 s.
10. Cherenkov, A. S. Interakcional'no-pragmaticheskie harakteristiki kategorii rechevogo protivodejstvija vo francuzskom disкурсе : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.05 / A. S. Cherenkov ; GOU VPO «Pjatigorskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet». – Voronezh, 2011. – 23 s.
11. Bahtin, M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva / M. M. Bahtin. – M. : Iskusstvo, 1979. – 424 s.
12. Karaulov, Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' / Ju. N. Karaulov ; отв. red. D. N. Shmelev. – M. : Nauka, 1987. – 263 s.